

ПЛАМЯ СЕРДЦА

К 60-летию
Вс. Вишневого

Исполнилось 60 лет со дня рождения выдающегося советского писателя, замечательного воина, драматурга, трибуна — Всеволода Вишневого.

Все свое дарование художника, всю пламя романтической натуры, всю страсть новатора он отдал служению народу, партии, борьбе за светлое будущее — коммунизм.

АПРЕЛЬ 1944 г.

Звонко: «Комсомол города ждет». Есть. Потом еще звонок: «Извиняемся — нет бензина». Я не стесняюсь расстоянием: Владивосток ли, Хасан, Испания ли, или Ленинград — я иду, мне очень хорошо, день солнечный, едва пробуждающаяся весна, опьяняющая несказанная пора.

Солнечное сияние удивительное — сквозь северную легкую облачную дымку. Голубой купол мечети, великолепный парк, перспектива Кировского моста, а влево — дворец Кшевской, где с нами говорил Ленин. В этом городе буквально нет места, которое не охватывало бы меня повторяющимися сотнями раз воспоминаниями.

Вот памятник «Стерегущему» — вода захлестывает двух матросов, которые решили погнать, но не отдавать свой корабль врагу. Я помню его с детства. Этот памятник — часть моей жизни. В 18-м году мы топили и не отдали свой корабль врагу.

Я иду на свидание. Немного волнуясь, ступаю по льду и по лужам, так приятно, — летят льдинки и брызги. Навстречу мальчишки; они что-то орут, и один махонький, лет двух, краснощекий бутуз, расставив широко руки, ковыляет прямо ко мне: «Здравствуй, дед!». Я не могу не улыбаться самой счастливой улыбкой и жму лапochку этому махонькому человеку... Иду дальше, все еще чему-то улыбаюсь — блаженно, счастливо. Я иду на свидание.

Оно мне назначено точно в 3 часа дня. Я боюсь опоздать. Меня ждут 2000 комсомольцев и комсомолок: стхановцы военных заводов Ленинграда. Это гвардия страны.

Вы можете там, в Москве, снять шапки перед этим городом. Вот идет весна, город и его бойцы дерутся уже под Нарвой и Псковом, и в честь весны он выпускает первые 25 пиньяно. Ему нужна музыка, ему нужны Бетховен, Чайковский, Шопен, Лист. Я узнаю свой несравненный Питер, и вы, москвичи, еще приедете сюда на душевные вакации или на эстетическую молитву.

Я пришел. Такая ласковая встреча! «Здравствуйте, комсомольцы!» В сентябре 41-го я говорил им нужные слова — просто делаясь опытом. Я, помню, говорил: фашистские снайперы хотят поразить нас, ленинградцев, в сердце... (И я вынул пулю — из левого кармана — она была у сердца, гитлеровская пуля. И зал от силы этого вещественного доказательства замер. Огромный исторический зал Таврического дворца). Не убьет русское сердце! Не убьет.

Сегодня впервые за три года они отдыхают. Впервые с 3 часов дня до 12 часов ночи отдых, беседы, игры, танцы, концерт за концертом, великолепный сеанс бокса, потом выступают тяжелоатлеты. Они играют гирями и штангами, зал ахает. Кто-то шепчет: «Попадись такому...» Какакая-то девушка говорит: «Но у него лицо лирика», — (а этот «лирик» делает рывок и взбрасывает 130 кило...). Зал, словом, возбужден... Это хорошо, и я вспоминаю бой быков в Валенсии, рев толпы... Потом я думаю: «Будут олимпиады, мы будем биться за спортивное первенство со всеми странами мира, вижу загорелые фигуры атлетов, встающие над землей, вижу старты, финиши, голубое, белое — воскрешаемую Элладу».

Я пробую представить себе первые послевоенные дни, недели, месяцы. Общее опьянение победой, радостью, ощущением силы и неистовые разряды нервов и душ...

...Размышляю о новой работе, и образы Ленинграда, голубого, весеннего, входят в новую вещь уже почти осязаемо... Тут будет вся мысленная амплитуда: и мрак, и смерть декабря 1941 — января 1942, и наше неистовое упорство, упорство питерцев, вековое, от Петра и Ленина идущее, и все сияние надежд, и победы 1943—44 годов. Вижу, как вспыхивают отдельные эпизоды... И как все

Его боевое крещение произошло очень рано. Это было в первую мировую войну, когда четырнадцатилетним мальчиком он убежал из родительского дома на фронт. На Балтике и на Волге сражался он в годы гражданской войны в рядах Красной Армии. Принимал участие в героических рейдах Первой Конной, которые затем и отразил в своей пьесе «Первая Конная». Это произведение сразу поставило Вишневого в первые ряды советских драматургов.

Основная тема творчества Вишневого — гражданская война, народ, партия. Со всей страстью революционного художника искал он новые, наиболее впечатляющие формы для ее выражения. Его пьесы «Последний решительный» и «Оптимистическая трагедия» проникнуты героическим пафосом, святой верой в дело партии, в силы народа. Фильм «Мы из Кронштадта», поставленный по сценарию В. Вишневого, потряс миллионы людей во всем мире, стал классическим произведением советской кинематографии.

Связанный неразрывными узами с Советской Армией и Военно-Морским Флотом, Вишевский с первых же дней Великой Отечественной войны сражается на родной ему Балтике. В осажденном Ленинграде почти ежедневно пишет

будет пронизано ветрами моря, гулом, смешной погод — так, чтобы зритель и застывал, и мерз с Ленинградом, и брел через туманы, и прорывался к голубым далам... Сколько я видел и знаю! Надо сделать так много... Сделаю! Я чувствую, как меня охватывают мысли, музыка вещи...

Бреду по солнечным улицам и думаю, думаю. Мне хочется вобрать в новую вещь все встречное... Это должна быть песня о великом морском городе, о тысячелетней поступи России к морю, к океану. Это должна быть вещь, которая покажет, как фашисты хотели загнать нас в болота, леса и умертвить там в ямах, без воздуха, без солнца, без просторов... Я покажу, как шел этот процесс, эта трехлетняя битва, в которой мы изведали все: и крути Дантова ада и упоение победой, торжествующей силой своей, которая хлещет, как горные потоки, подопыды, и сшибает все на пути, устремляясь в грохоте, пене, пении к мировому океану — первоисточнику жизни... Все подчиняется внутреннему устремлению темы.

ИЮЛЬ 1944 г.

...Хожу по комнате, раскрыл шкафы, летит пыль и клубится в лучах солнца. Я, измазанный, на ходу вчитываюсь в отдельные листки, заметки, странички. Какая уйма записей! Три года. И из всего этого надо сделать зрелище на два часа: упругое, сильное, острое, где страсть сочеталась бы с юмором, лирикой и где проза была бы спаяна с самой безудержной романтикой...

Это должен быть фильм — три года на Балтике, служение России, защита нашего Ленинграда...

АВГУСТ 1944 г.

...Снова бреду по Невскому медленно. Меня охватывает глухое нервное, вечернее чувство улицы. Я ступаю по старым своим следам. Но мои воспоминания не касаются сейчас ни одного из прохожих. Они, прохожие, потом, через годы будут читать о том, что было и бывает в этом большом городе.

...Будет строиться великая жизнь народа-победителя. Каждый должен понять всеми силами души и интеллекта свой путь, свое участие в этом грандиозном грядущем преобразовании мира. Мы приносим всем нациям идею, план, пример... И эти самоощущение, ответственность и восторг лидерства, высокие требования к себе, к своей личной доле участия в мировом движении и должны быть основой бытия, поведения, дела КАЖДОГО советского человека...

ЯНВАРЬ 1946 г.

Два дня перерыва. Могу отоспаться, помыться, выужиться... Я сказал, чтобы машина была в 7 часов утра 31 декабря. Пусть Новый год * в пути. Куда успеху, сама судьба скажет, где мне быть, с кем, как...

Есть поверье — год будет таким, каким вы его встретите. Было темно, за ночь выпал снежок, и на шоссе было обледенение. Я гнал на Лейпциг.

...Ни огня. Только звезды над границей. Решили остановиться. Пошли на пост по снегу и болотной воде. Вошел в караулку, поздоровался, взгляды настороже. Я готов был встретить Новый год здесь, в караулке: Россия, бойцы, заграница, поездка, звезды.

И мы вкатились в помещичий дом. Я в семье бойцов и саксонских крестьян. Приглашают на новогодний бал.

Я налил всем бокалы и сказал по-немецки:

— За дружбу, за будущее, за море и берега!

* Ровно пятнадцать лет назад Всеволод Вишевский находился в Нюрнберге на процессе военных преступников. В этом письме он описывает последний день 1945 года и новогоднюю ночь.

страстные публицистические статьи, произносит пламенные, незабываемые речи, вдохновляя советских бойцов на подвиги. Здесь же, в блокированном городе-герое, Вишевский создает пьесу «У стен Ленинграда», а затем вместе с писателями А. Кроном и В. Азаровым пишет музыкальную комедию «Раскинулось море широко».

В качестве военного корреспондента газеты «Правда» Вишевский участвовал в победоносном наступлении советских войск на Берлин, присутствовал на Нюрнбергском процессе. В своих ярких публицистических произведениях писатель гневно бичевал поджигателей второй войны — американских империалистов. Он был активным борцом за мир, за дружбу всех народов, за высокие человеческие идеалы.

Смерть рано оборвала его жизнь — когда ему только исполнилось пятьдесят лет. Многие из задуманного не удалось завершить, отдельные эскизы не успели воплотиться в большие полотна.

С некоторыми его планами, мыслями, мечтами о будущем, о сегодняшнем дне, который так ясно видел писатель много лет назад, мы знакомим читателя, публикуя выдержки из его писем к литератору М. Ангарской.

Я шел спать, был легкий мороз, трещал под ногами ледок, пели аккордеоны, над голой во тьме миров сияли звезды...

Рано утром 1 января я вышел во двор. Из-за гор вставало солнце. Добрая примета. Голуби порхали на дворе. Я был как-то собран и ясен. Мы съели крестьянский завтрак, выпили кофе, по-русски заплатили за все и двинули дальше. Опять даем 100 километров и в сиянии солнечного утра прорезаем горы. Мне чудятся Альпы: до них не так далеко... Какие узоры, какие кристаллы на смотровой стекле, какие пады, леса и какое солнце!

ОКТАБРЬ 1947 г.

...Пойми, грядет духовно эстетический переворот в нашем бытии. Он вырвет в стране, которая с невероятной энергией осуществила три политические революции (1905, 1917 гг.), аграрную (1929—30), культурную, промышленные пятилетки... Неутомимый народ будет идти все выше и вперед, он беспощадно сбросит недостатки быта, неустойчивость, безвкусицу, жаргонный стиль, уродства языка, ибо это непереносимо. Все будет меняться, хорошеет. На пожарницах войны вырастут великолепные сады и рощи.

Возможно, что мы в непрестанной борьбе забывали о формах, о культуре чувства. Мы ныне стали победителями, и теперь мир будет ждать от нас — духовных законодателей — и форм, и стиля, и мод в большом смысле... Мы обязаны думать об этом, углубленно творить для себя и мира новые формы отношений — не только общественных, но и интимнейших, и индивидуальных... И в этом будет заключаться борьба за всемирное первенство (идея, меня остро занимающая, идея, которой я отдам максимум сил).

Мы обязаны быть на высшей ступени культуры, значит, мы в себе должны нести знание идей, правов, манер, стиля всех времен... Да будет жизнь молодого поколения, каждое слово, мысль, каждое движение выражением нового стиля, актом великого похода, высшей ступенью борьбы за тот тип цивилизации, который мы несем миру...

...Мы, фронтовики 1914 года, бойцы Октября, вводим вас в свои ряды и поручаем вам, новому поколению, задачи важные, тонкие, сложные. — их выполните. ...Необходимо непрестанное целеустремленное до предела движение вперед, умение идти и увлечь других. Это расширенные сферы уроков, лекций, «общественных нагрузок», знание языков, культура одежды. Служение высшей красоте... Ее достаточно измазывали в грязи и крови; мы будем первыми, кто ее подымет и покажет миру в ее истинном, блистающем виде.

МАЙ 1950 г.

...Я давно уже не затрагивал так вплотную тем театра и кино. Все живет во мне, тантас внутри и, вероятно, вспыхнет... Я думаю о том, как можно в канонические формы ввести новые видоизменения, глубже раскрыть пластику драматургии, динамизировать ее... Человек современности чувствует, видит, слышит острее, чем, скажем, слышали 50 лет тому назад. И все эти моменты обострения нужно очень умело вносить в современную драматургию. Дело не во внешних убystрениях и формальных тонкостях, которые увлекали ряд режиссеров, а в передаче духа, темпа, сути современных переживаний. В использовании всего пространства сцены, в умелом нагнетании интереса, в умелом выделении общих и крупных планов, в использовании декораций не статических, а эволюционирующих вместе с материалом драматурга. Все впечатления должны быть использованы последовательно — игра, речь, любая фактура, музыка, свет и прочее, дол-

жны подчиняться замыслу драматурга гибко и непрерывно. Нужно создавать новый вид сценического действия, отвечающего духу, темпам, специфике современного человека. Статика XIX века не должна давить на решения современных мастеров, а она давит очень сильно. «Бунты» новаторов начала этого века, двадцатых и тридцатых годов были в общем верны, яцелены, но новаторы еще не угадывали сути современного реалистического кино, самого реалистического из искусств, не имели профессионального навыка... Мы же этими навыками владеем и можем искать новых синтезов кино и театра, не механических, а органических.

ИЮНЬ 1950 г.

...Как я представляю себе общий мировой процесс? Есть такие возможности: разумные соглашения, которые позволят человечеству обеспечить себе новые, высокие стандарты жизни, питания, бытия.

Невероятное развитие производительных сил, открытия в химии и физике неизбежно изменят современный образ жизни, быт, мо-раль, идеи...

Химические открытия и атомная энергия, разумно примененная, перевернут всю основу производства, удешевят «во сто крат», экономизируют труд... Это высвободит людей от необходимости отдавать основное время труду... Это будет невообразимая революция, которая в перспективе ближайших десятилетий определит совершенно новое общество, видимо, все более тесно связанное, интернационализированное... У человечества откроются новые пути для духовного развития и решения крупнейших общих мировых проблем, представления о которых еще не имеют ни академики, ни писатели.

...Поступательное движение человечества непрестанно. Оно не может быть в целом «плановым», оно не может обойтись без кризисов и драм, ибо даже единича, индивид вечно в конфликте с самим собой...

Нас должно интересовать широчайшее культурное, политическое, техническое, бытовое и прочее развитие СССР и всех прилегающих к нам стран. Нам нужно проделывать грандиозную работу. Я вникаю в эти дела все глубже, слычаю, сравниваю...

Нам надо сделать все, чтобы дать своим людям максимум питания, одежды, удобства, внутреннего покоя, довольства. Нужно сочетать и труд, и культуру, и отдых, и сочетать так, чтобы ясно определялись все или максимально возможные преимущества новой, социалистической цивилизации (ленинские указания о культуре остаются решающими... Это открывает путь к подчинению машин, к подчинению природы, к выигранным темпов. Это дает уверенность в себе, полет мысли, свободное знание мира: друзей и врагов...). И я все ясней вижу и общие задачи, и свои задачи, свои темы, свои обязанности — этой перспективе... Не только литература, а максимально широкая, активная политическая, активизирующая массы работа. В конечном счете где-то в одно общее понятие сливаются все эти подлинные разряды энергии, воли, ума, души... Труд, творчество в разных проявлениях.

Я живу страстным, безмерным желанием видеть жизнь умиротворенной, здоровой, красивой. Я хочу видеть, осязать, ощущать покой, красу, природу, дышать запахом моря и гор, лесов и полей... Я хочу этого так же упорно, бешено, свято, как хотел победы, которую и взял.

Во мне идет глубочайший процесс анализа оценок и переоценок.

...Все вперед будет подчинено упорному духовному развитию и подъему, новым творениям, новым открытиям, новому самоутверждению и очищению... Всепобеждающая жизнь!